

**СИБИРСКИЕ
ОГНИ**

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Год издания XXXIII

**ОРГАН НОВОСИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

№ 4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

№ 4

50-летие со дня смерти А. П. Чехова

В. ПЕРОВСКИЙ, Б. РЯСЕНЦЕВ

На подступах к мастерству

Чехов-фельетонист

В обширном наследии А. П. Чехова большой интерес представляет, если можно так выразиться, — «дохеховский период» творчества безвестного сотрудника юмористических журналов, фельетониста, судебного репортёра.

Длившаяся без малого десять лет газетно-журнальная работа А. П. Чехова была чрезвычайно интенсивной и разнообразной. С 1879 года Чехов — ещё студент — начал печататься в «Стрекозе», затем в других «тонких» журналах: «Будильнике», «Зрителе», «Мирском толке», «Спутнике», «Развлечении», «Осколках» и т. д. Кроме того, он сотрудничал в «Петербургской газете», в «Новостях дня». Для высокой производительности молодого автора показательно уже самое количество его псевдонимов, редкое в истории журналистики. Под чеховскими произведениями стоят такие подписи: «Человек без селезёнки», «Врач без пациентов», «Вспыльчивый человек», «Брат моего брата», «Рувер», «Улисс» и др., а кое-что публиковалось и без подписи.

А ведь известно, что и такие его замечательные произведения, как «Смерть чиновника», «Дочь Альбиона», «Унтер Пришибеев» появлялись под псевдонимом А. Чехонте.

Между юмористическими мелочами, которые печатал Чехов под разными псевдонимами, можно обнаружить вещи слабые, написанные в спешке, без внутреннего подъёма. Но и среди шуточных задач, шуточных календарей, «перепутанных объяснений», забавных медицинских советов, анекдотов, афоризмов, подписей к рисункам, пародий негнет, да и сверкнёт настоящий чеховский юмор, проглянет незаурядное дарование. Меньше всего замечали это редакторы — издатели журналов, в гораздо большей степени — коммерсанты, чем литераторы. Торгашеские нравы царили тогда в редакциях.

Чехов дал убийственную характеристику сотрудникам современной ему буржуазной прессы: «Газетчик значит, по меньшей мере, жулик... Я в ихней компании, работаю с ними, рукопожимаю и, говорят, издали стал походит на жули-

ка. Скорблю и надеюсь, что рано или поздно изолирую себя...»

Таковы были «товарищи по работе». Сверху давила цензура. Всё это задерживало рост таланта. Но нельзя отрицать и того, что газетно-журнальная работа сыграла положительную роль в развитии дарования писателя. Обязанность писать коротко, предельно сгущая и сжимая повествование, помогла формированию знаменитого чеховского стиля, приучила автора к лаконизму, к безжалостному устранению всего лишнего, необязательного. Это навсегда осталось типичной чертой писательской манеры Чехова. В тот же период Чехов заложил фундамент громадного разнообразия своих тем, сюжетов, своей разносторонней осведомлённости, развил и обострил наблюдательность. Фельетонистская работа в «Осколках», попытка перейти от пустыньких анекдотов, подписей к рисункам, шуточных реклам — к публицистике оказали благоприятное влияние на творчество писателя в целом.

В течение трёх лет посылал Чехов в Петербург свои фельетоны. Но его работа осложнялась трудными поисками тем, поисками — с учётом цензуры и запросов издателя — «хозяина», который нередко «заказывал» и тему, и размеры произведения. Нередки его жалобы Лейкину: «Фельетона пока нет, потому что материала буквально нуль».

Чехов-фельетонист ни на минуту не мог забыть о красном карандаше цензора. Цензура неоднократно учиняла погромы в «Осколках». Более того, в одном из писем Лейкин сообщает, что «начальник главного управления по делам печати вообще против сатирических журналов и не находит, чтобы они были необходимы для публики...»

Естественно, что в таких условиях Чехов в своих фельетонах далеко не всегда получал возможность касаться сколь угодно острых политических тем. Приходилось писать о погоде, о гробовщиках, о мелком жульничестве, либо о том, что в Москве не хватает женихов. Множество фельетонов он посвятил различным театральным постановкам. Чехов понимал, что нужно писать не об этом, что

читатель ждёт других фельетонов. Он тяжело переживал цензурный гнёт.

Чехов не был бойцом-журналистом, подобным Герцену или Чернышевскому. Он не представлял себе достаточно ясно путей, какими нужно бороться с самодержавием, реакцией, мракобесием. Однако уже и тогда он умел в подцензурной форме высказывать политически важные мысли.

* * *

В 80-х годах в Москве гастролировал некто Бишоп, «чтец чужих мыслей». Чехов не замедлил воспользоваться этим фактом. Он сумел оттолкнуться от очередной московской «сенсации» для того, чтобы создать фельетон незаурядной обличительной силы и очень короткий:

«Бишоп и у нас узнавал мысли. Стал ли он после этого умнее или нет, — сказать трудно, но думаю, что не стал, ибо, исследуя тысячу человек, он у всех нашёл одну и ту же мысль:

— Не дай бог, узнают мои мысли! Человек у семейный...

Один околоточный надзиратель, бывший на опытах и узнавший, что у всех есть мысли, поморщился и пробормотал:

— Всё это от недосмотра... Мусью Бишоп, нешто так и надо, чтобы у всех людей мысли были?

— Полагаю...

— Могу вам заметить, что вы клеветаете! Да-с! Может быть у вас там в Англии и есть мысли, но у нас, окромя благочестия и повиновения родителям... Рразойдитесь!»...

Здесь добродушная шутка уступает место зедринской саркастической усмешке. Щедрик глаз фельетониста увидел в Бишопе очень удобный, уместный повод, чтобы бегло, но зло охарактеризовать «состояние умов» в ту эпоху.

Каждому фельетонисту известно, как трудно нащупать отправную точку, от которой можно свободно и естественно оттолкнуться и развернуть основную тему фельетона. Найти такой «трамплин», правильно применить его во вступительной части — немалое искусство. Бишоп — «чтеца чужих мыслей» — Чехов использовал в фельетоне образцово. Взят факт злободневный, несомненно знакомый читателю «Осколков». Факт этот не «пришпилен» искусственно к теме. А главное, он повернут в фельетоне неожиданной стороной: у чтеца чужих мыслей, спрашивают: «Нешто так и надо, чтобы у всех людей мысли были?».

Особенно нужно подчеркнуть, что серьёзное содержание выражено в необычайно короткой форме. Об этом фельетоне можно сказать, пользуясь выражением Чехова, что он «с ладонь величиной». С чеховской силой дана в разговоре с Бишопом речевая характеристика околоточного надзирателя. Считанные фразы, но как верно найдена каждая из них!

Чехов — мастер языка заметен в «осколочных» фельетонах. Зачастую они поражают меткостью, гибкостью, многоцветностью языка, богатством словаря. В этом отношении советский журналист в них найдёт немало поучительного. Приведём на выбор несколько примеров.

«...адвокат Вульферт, бойкий и игривый как только что откупоренные «кислые щи»¹. Простое, но смелое и свежее сравнение, которое зло характеризует разбитного и яркого буржуазного адвоката. Велеречивость, искусственная «красивость» языка как нельзя более чужды Чехову. Уже в эти годы Чехов с нескрываемым презрением относится к напыщенной, громкой фразе, ко всякого рода словесным побрякушкам.

«Оратор стоит на столе, — писал Чехов в одном из фельетонов, — говорит речь и, видимо, старается округлить, нафабриг и надуть фразу, от чего выходит нечто шестизэтажное, напыщенное, шипучее...».

В нескольких строках — портрет либерального краснбая. На первый взгляд, в этой цитате много определений. Фактически же Чехов весьма скуп. Каждое из определений подчёркивает разные и основные особенности речи «оратора». Собранные воедино, эти определения прекрасно характеризуют того, кто старается «надуть фразу» и преподнести слушателям нечто «шипучее».

Яркий образец фельетонного языка представляет из себя чеховский отзыв о жалких увеселительных садах купеческой Москвы. «Открылась для чего-то «Аркадия». Этот сад, более похожий на коробку из-под сардин, чем на сад, молод, но уже успел зарости крапивою бесславия. В нём скучно, как в «Полицейских ведомостях», и сыро, как у кушца, после чая, за пазухой...».

Вряд ли кто-нибудь после такого отзыва возьмел бы желание посетить «Аркадию»! Тремя фразами Чехов вынес этому «увеселительному заведению» беспощадный приговор.

Вдумаемся, как написан этот отзыв. Первая фраза могла быть вполне обычной, шаблонной: «Открылась «Аркадия». Чехов рассекает её вставкой «для чего-то» и заставляет читателя сразу же насторожиться. Затем — удар: «Этот сад, более похожий на коробку из-под сардин...». В коротеньком отзыве Чехов дал исчерпывающую оценку: он сказал о маленьких размерах сада, о том, что в нём скучно и сыро и что надежд на улучшение никаких («молод, но уже успел зарости крапивою бесславия»). Каждая оценка дана при помощи убийственных для «Аркадии» сравнений, из которых последнее способно вызвать у читателя отвращение к саду.

Приведённые нами цитаты дают, конечно, далеко не полное, но отчётливое

¹ Шипучий напиток.

представление о языке чеховских фельетонов. Точность, смелость и свежесть сравнений. Лёгкость и плавность фразы. Сжатость, плотность — каждое слово на учёте! Строй речи — разговорный.

Чехов был изобретательным фельетонистом, с арсеналом разнообразных приёмов. Тот или иной приём Чехов «пускал в ход» в зависимости от темы, стремясь выразить её наиболее полно и доходчиво.

«Бишоп и у нас узнавал мысли» — это целеустремлённое начало, непосредственно вводящее в самую суть фельетона. Расчёт Чехова вполне верен; никаких предисловий в данном случае не нужно. Автор должен был не подвести читателя к факту, а, наоборот, взяв факт за исходный пункт, рассказать о том, что случилось, когда Бишоп стал «узнавать мысли» людей, придавленных свинцовой тяжестью самодержавной реакции.

Выбор того или иного начала у Чехова не только подчинён теме, но и находится в тесной связи со всей конструкцией фельетона. Один из его публицистических фельетонов начинается вступлением, которое мало чем отличается от статьи:

«...Процент смертности у нас превышает сорок на тысячу. Парижане и лондонцы, у которых этот процент не превышает двадцати, могут подумать, что у нас целый год свирепствует холера или чума...»

Назначение этого вступления именно в том, чтобы у читателя в памяти остались две цифры: «у нас» — сорок на тысячу, «у них» — двадцать. Длинные рассуждения здесь неуместны — они только утомят и помешают воспринять главное. А центральную часть фельетона Чехов, по контрасту с началом, строит, как живую, сочную сценку с небольшим сюжетом и воображаемым героем:

«Винovat более всего наш оригинальный способ перевозки больных...»

Городовому вручается больной с книгою и словом «вези!» Благодетель берёт под ручку страждущего и, выйдя с ним на улицу, пускает в дело свой ястребинный взгляд: нужен даровой извозчик. Извозчики, завидя городского, бьют по лошадам и исчезают как домовые при пущенном пении. Начинается ловля, забавная для наблюдателей, но противная для больного. Наконец, какой-нибудь завалиющийся, зазевавшийся извозчик чувствует на своём шивороте холодное прикосновение властной руки и слышит повелительное, безапелляционное «пожалуйста, который...» Едут. Извозчик обязан везти только до следующего извозчика, и бедный больной всю дорогу изображает из себя кладь, на которой не написано «осторожно» и извозчицко чуму, от которой во все лопатки удирают извозчики. С этой кладью не церемонятся. Её перетаскивают с извозчика на извозчика, везут то подкрадывающимся шагом, то ловащей, нападающей опретью...».

Основная цель, которую преследовал автор в приведённом отрывке, — показать унижительное, оскорбительное положение, в каком находится больной. Эта цель Чеховым достигнута. Очень характерно для Чехова-фельетониста, что он нигде не описывает переживаний больного, не старается разжалобить читателя. Он действует другими приёмами. «Городовому вручается больной с книгой и словом «вези!» — пишет Чехов, и здесь уже скрыт намёк, что с больным обращаются как с неодушевлённым предметом. Далее подробно и картинно изображается провозимая городским «охота на извозчика». У читателя несомненно возникла мысль: «А что, если завтра мне придётся быть в положении этого больного?» Она могла заставить читателя содрогнуться. Затем Чехов уже прямо называет больного — «кладью». Но здесь появляется новый нюанс: на этой клади даже не написано «осторожно». Дальше в фельетоне «больной» не фигурирует, вместо него Чехов подставляет слово «кладь».

Этот фельетон, между прочим, раскрывает один из секретов насыщенности, сжатости чеховского стиля. Ни малейших признаков «словотолчения» в нём нет. Каждая фраза ведёт читателя вперёд, сообщает неизвестные ему ранее подробности, рассказывает о новом этапе в «путешествии» несчастного больного.

Довольно широко пользовался Чехов комической игрой слов. Иногда на каламбуре он строил весь фельетон.

Однажды некий Головин известил москвичей, что прессованное сено продаётся «во всех складах и во всех книосках, где продаются газеты и журналы и другие произведения печати». В фельетоне Чехов не выразил ни удивления, ни возмущения по этому поводу. Он применил другой, более действенный способ. Сначала он информирует читателя, что «пресса и прессованное сено подали друг другу руки». Затем, основываясь на этом «сходстве», с невинным видом «уверяет» читателя, что поступок Головина вполне логичен: «Всё, подлежащее сжатию и прессовке (читай: «цензурной урезке!» П. и Р.), снесено в одно место». Так бесхитростный каламбур помог Чехову сделать обобщающий политический вывод.

Для того, чтобы продемонстрировать разнообразие фельетонных приёмов Чехова, приведём его фельетон под заглавием «Собачий приют». Изменив обычной своей манере, Чехов отказался от «беллетризации» материала. Холодный арифметический расчёт — вот средство, которое в данном случае воздействует куда сильнее, чем описание и сравнения.

Начинает Чехов безапелляционной и ошарашивающей фразой: «Многие люди должны пожалеть, что они не собаки». Весь фельетон развёртывается как обоснование этого утверждения.

«Собачий приют», оказывается, «устроено

нашей старой девой — московской думой... Чтобы собаки не сердились, дума ассигновала на их клуб 5.000 рублей. За время существования собачьего приюта в нём жило только 22 собаки. Кто знаком с арифметикой и может разделить 5.000 на 22, тот получит 227 рублей с копейками, т. е. каждая собака получает столовых и жалованья (квартира, прислуга и освещение — казённые) гораздо больше, чем народные учителя, начинающие адвокаты и почтальоны...» (Подчёркнуто нами. П. и Р.).

Этот сухой, внешне бесстрастный расчёт мог, бесспорно, произвести неотразимое впечатление на «маленьких» людей, в защиту которых выступал фельетонист, и прозвучать серьёзным обвинением не только «старой девы — московской думы», но и всего общественного порядка, при котором многие люди живут в большей степени «собачьей жизнью», нежели некоторые собаки!

Ведя речь о чеховских фельетонах, нельзя не сказать нескольких слов об их концовках.

Рассказывая о том, что построенное для читальни имени Тургенева здание пустует и библиотеку никак не соберутся открыть, Чехов заключает повествование так:

«— Извозчик, что такое в этом доме? — спросил я как-то извозчика, проезжая мимо дома.

— Надо полагать, портерная... — отвечал извозчик. — А впрочем, кто его знает! Будь это портерная или кабак, давно бы открыли, а то, вишь, заперто...».

Фраза о портерной кажется в устах извозчика естественной и убедительной и одновременно, в обобщённом виде, оценивает отношение власть имущих к народному просвещению.

Охотно принялся молодой Чехов и за обязанности судебного репортёра. Он посылал в «Петербургскую газету» отчёты о процессе, который ожидался публичной уже давно. Речь шла о миллионных растратах в Скопинском банке, о преступлениях директора банка и его сподвижников. Деловую, «скучную» сторону процесса автор отчёта сумел преподнести столь лаконично и красочно, что здесь уже явственно угадывается знаменитая чеховская краткость. Так, чтобы дать представление о длиннейшем обвинительном акте, Чехову достаточно было сказать, что в нём «цифр больше, чем букв». Такими же острыми, скупыми штрихами рисует он подсудимых, защитников,

схватывает на лету их манеру говорить, рассыпает множество иронических замечаний.

Хотя вопрос о Чехове-газетчике вряд ли можно было бы выделить как тему для специальной статьи, — он всё же имеет некоторое значение. Газетой Чехов интересовался. Он думал о том, какой должна быть газета, о чём следует рассказывать. Чехов считал, что газетный очеркист «должен отрешиться от всяких условностей и мешанских моралей. Если надо, пусть ночует в гавани, где-нибудь в лодке, в степи, посещает все притоны, вертепы, потому что везде люди, их надо знать, а для этого необходимо изучать». Вот к такому глубокому изучению жизненного материала призывал Чехов современников ему газетных работников, большинство из которых либо гналось за минутной сенсацией, либо высасывало темы из пальца.

Чехов, видимо, понимал, что буржуазная пресса не удовлетворяет широкого читателя. Он думал о типе подлинно массового печатного органа, хотя и не мог бы выдвинуть для этого издания чёткой политической программы. Известно, что он вёл переговоры с крупным издателем Сытиным о создании народной газеты.

Со свойственной ему исключительной чуткостью к слову, Чехов и к заголовкам относился весьма требовательно. В одном письме он писал: «Теперь об «Очерках санитарной статистики». Начну с того, что для популярных статей заглавие это совсем не подходит, ибо содержит два иностранных слова; оно немножко длинно и немножко неблагозвучно, так как содержит много с и много т».

Могучий талант Чехова развернулся во всю свою мощь в рассказах, повестях, пьесах. Именно они сделали Чехова одним из величайших русских и мировых писателей, славы и гордостью нашего народа и всего прогрессивного человечества.

Но, отдавая должное великому мастеру прозы и драматургии, нужно помнить и о молодом фельетонисте, газетном репортёре, поскольку этот период литературной деятельности Чехова был периодом интенсивной «тренировки», когда формировались многие характерные черты его творческого почерка. В это время складывалось мировоззрение Чехова, основы сатирического элемента его творчества и проявлялся тот гуманизм, то пристальное, любовное внимание к простому, «маленькому» человеку, которое так дорого миллионам читателей.